

Светлана КОШКИНА

г. Беломорск,
Республика Карелия

У моря Белого в Сухом Наволоке

«Наволок – выдающийся в море, озеро или реку мыс, имеющий над водою возвышенность с крутыми берегами».

И. М. Дуров «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении»

Красота некогда гулливого, шумного поморского Ксела Сухое, или Сухой Наволок, Сухонаволоксское, что ласково прижимается открытым изрезанным берегом к Белому морю, не только в удивительной природе ему дарованной, но в людях, что жили здесь, возделывали землю, лелеяли каждый ее кусочек. Они грезили о будущем, ради него чуть свет поднимались и отправлялись на изнурительный, по истине сумасшедший труд – сенокос.

Под жаркими лучами солнца, изредка позволяя себе минутки отдыха, они до изнеможения размазывали косами-горбушами да литóвками, оставляя позади себя причудливые следы «подстриженной налго» травы, а после неимоверно тяжелого труда, пропахшие соленым пóтом, уставшие, они осторожно и тихо кидались в подоспевшую как всегда не вовремя грузовую машину и, трясясь в ней до самого дома, во весь голос распевали идущие от сердца песни.

Возвращаясь с заходом солнца, бросались скорей справиться все домашние дела, не забывая при

этом приголубить каждую свою «кровинушку». И все, за что ни брались их грубые, но нежные руки, спорилось необычайно скоро, при том, что они никогда, ни на секунду при всей своей занятости не забывали о том, что в потайных уголках их скромной молчаливой души хранила память:

*Хорóша, весёла моя, хорóша, весёла моя,
Да не ты ли меня высушила,
не ты ли меня высушила,
Без мороза сердце вызнобила,
без мороза сердце вызнобила,
Да спустила сухоту́ по животу,
спустила сухоту́ по животу,
Прирассеяла печаль-тоску,
прирассеяла печаль-тоску,
Да печаль-тоску немаленькую,
печаль-тоску немаленькую,
Заставила к себе в гости ходить,
заставила к себе в гости ходить,
Приневолила гостіночки носить,
приневолила гостіночки носить,
Да гостині́чки, сладки прянички,
гостині́чки, сладки прянички... [1]*

Село Сухое находится поблизости от Беломорска, всего-то восемнадцать километров по автодороге. Для разбросанных на значительные расстояния населенных пунктов Беломорского района это небольшой промежуток, но дорога не спешит донести тебя до нужного места: летишь на автомобиле, торопишься, и нет-нет да и споткнешься об изрядно вдавленную временем впадину.

Конечно, для тех, кто душой стремится в это северное поселение, измятая грунтовка – не препятствие. Таковых немного, но именно благодаря им, спешащим в свои вековые родовые гнезда людям, сохранились ставшие однажды неперспективными селения. К таковым относится и Сухое: зимой в нем проживает не более двадцати человек; ни школы, ни клуба, ни магазина в селении не имеется... У подъезжающей три раза в неделю хлебной машины собираются старожилы да те, кто когда-то так и не уехал жить в город. Купят хлеб, затем тихо, не спеша разойдутся в натопленные просторные поморские дома и начинают ожидать в них теплого солнечного лета, с наступлением которого в село шумно съезжаются дети, внуки, правнуки...

Но бывает и зимой многолюдно здесь – когда «идет» рыба. Целое театральное действие происходит на только-только схватившемся льдом море подле Сухого: всюду темные фигуры рыбаков, сидящие на майданах и в застывшей позе ожидающие удачного клева. И женщин здесь встретишь, и подростков: без рыбы помору никак. Местные очень ловко справляются с маленькими «шустрыми» «коромыслами»: вправо-влево, вправо-влево, и был таков: ухой обеспечен.

Приезжие удивляются: у них всякие заграничные приспособления для ловли рыбы имеются, ну уж не сравнить с замысловатыми «коромыслами», но тем не менее за сухонскими рыбаками им не угнаться... Говорят, так было всегда: дóма и стены помогают, вот и на море получается: рыба «идет» к своему хозяину, коим на протяжении нескольких столетий является помор. Вся его жизнь суровому щедрому морю принадлежит...

Те, кто уже по возрасту, да и по здоровью не могут на леденящем ветру «качать» из стороны в сторону «коромысло», наблюдают за рыбаками издали, благо село расположено на возвышенном месте, которое словно врезается в Белое море. Отсюда повседневно употребляемое поморами название «наволок». Жители шутят: «У воды без воды». Конечно, ведь вода-то в море соленая, поэтому и название у села странноватое: подле воды, а Сухое. Несколько колодцев встретила я в нем, там и черпают местные сухонцы воду для питья, а

для иных нужд собирают дождевую воду, зимой же – растапливают снег...

Сегодня немного заметишь в селе двухэтажных домов, а ведь когда-то их было гораздо больше. Мудро строили их поморы, многие второй век служат, но, несмотря на это, дома и теперь все так же приветливо, как и сто лет назад, встречают своих хозяев после продолжительной с крепким морозцем молчаливой зимы, когда под воздействием солнца начинает сползать с земли мягкое белоснежное покрывало.

В центре села находится своеобразная площадь, если можно так назвать окруженное плотным кольцом из поморских изб свободное пространство. На него-то большей частью и ориентированы лицевые фасады жилых строений Сухого. Они «устремляют свой взор» на возведенную еще в XIX веке церковь Смоленской Божьей Матери, которую в 1899 году местные крестьяне перестроили из небольшой часовни. [2]

Побывавшая спустя двадцать девять лет в селе художница Н. Маковская сделала рисунок храма. На нем отчетливо видно, что он, четырехчастный, разной ширины и высоты, состоял из молитвенного помещения, прямоугольного алтаря, трапезной и сеней, которые в недалеком прошлом венчались шестигранной, устремленной в небо колокольней. Крыши на главном помещении и трапезной были двускатными, на сенях – трехскатная, на алтаре – односкатная. Молитвенное помещение освещалось на южной стене двумя одинарными окнами на первом ярусе и одним спаренным – на втором ярусе, трапезная же – двумя северными и тремя южными окнами.

Через тридцать шесть лет после перестройки храма сухонскую красавицу в одночасье превратили в сельский клуб: в кинопроекторную переделали алтарь, северное окно трапезной растесали с устройством дверей... После долгое время здесь «крутили» кино, проводили танцы, концерты... Когда из села начали уезжать, то и клуба не стало. На здание было страшно смотреть...

Жители Сухого помнят, как беспощадно крушили кресты и рубили топорами иконы. Проклиная «красных иродов», сухонские старушки тайком от всех темными ночами суетливо, но осторожно спасали вековые сокровища: церковную утварь прятали в старинные сундуки, иконы бережно расставляли в «красном» углу. Утирая непослушную слезу, молились громко и неустанно, отводя не приметным своим подвигом будущее для родного села, где все, до каждого камешка, было им знакомо с детства. Сжимающиеся от бо-

ли сердца их, мудрые и благородные, осознавали, но не верили, что свершилось новое время, в котором ни на пядь земли не найдется места многовековым традициям. В надежде расправиться с мучающими их сомнениями они обращали свой взор к образам, изрядно «израненным» топорами, но все так же дающим свет и надежду, веру в завтрашний день...

Говорят, Бог не пожалел никого: мужчины, рушившие храм, ушли в мир иной совсем молодыми, оставив вдовами своих красавиц жен и сиротами – малолетних детей. Те выросли неплохими людьми, спустя годы вместе со своими земляками собрали средства на возрождение церкви, но горечь обиды преследовала их всю жизнь, будто это они, едва родившиеся, посягнули на православную веру. Что к этому добавить: сын за отца не отвечает?..

И все же невероятными стараниями местных жителей все вернулось на круги своя: храм восстановили, и летним августовским днем двенадцатого года беломорский священник отец Сергей провел в нем первую праздничную литургию. Он поблагодарил жителей села за то, что не дали умереть церкви, возродили ее, сделали, казалось бы, невозможное...

«Молодым был, глупым, – признавался батюшка прихожанам, – хотел бревна с сухонского храма использовать для строительства церкви в Беломорске. Не дали селяне разобрать дом, настояли на своем, спасли храм... Спасибо вам, дорогие мои».

Об этом тоже особый сказ. Старожилы говорят, будто все бревна уже были пронумерованы и готовились к отправке в город. Ждали-ждали строителей на следующий день, да никто из них не приехал: сказывают, будто все они заболели...

«НА МОРЯХ ВЛАДЫКА-ВОИН...»

Огромные поля окружают Сухое с разных сторон. Они, поросшие густой травой бледно-рыжего цвета, давно заброшены, и лишь крошечные «заплаточки» виднеются издали – это жители соседнего Беломорска скашивают траву, бережно укладывая ее в стога. Во всем селе ни коров, ни лошадей...

К западу от Сухого за дорогой и огромным полем располагаются остатки старого и новое деревенские кладбища. На старом кладбище еще совсем недавно можно было обнаружить резные надгробные столбики – некрокультурные сооружения начала XX века. Старожилы вспоминают, что таковых раньше имелось много, их украшали глу-

хой резьбой из кружков, желобков и засечек, на некоторых вырезали четырех- и шестиконечные кресты. На столбиках с двускатными крышами с резьбой в виде треугольных зубьев имелись рамки, имитирующие киот для небольшого размера иконок, на многих они долгое время сохранялись.

Как вспоминают селяне, так было всегда. Потом все изменилось... Старое кладбище в годы войны нарушили военные, вырубившие в скале на окраине села, в местечке «за Федосьей», командный пункт штаба Карельского фронта: огородили все забором и никого к могилкам близко не подпускали, ну, а когда сухонцы к ним все же подоברались, не все могилки можно было обнаружить, не все кресты сыскать, не говоря уже о том, что с некоторых крестов иконки были сняты, а где-то и сами кресты разрушенными оказались. Такая вот история...

Село Сухое старинное... Из уст в уста передаются предания о его основании:

«Как будто им хотелось у реки поселиться, – рассказывала исследователям Надежда Тарасовна Моисеева. – Не теперешни люди, верующи были. Икону принесли к реке, а икона («Богородица») оказывалась на этом месте. Здесь часовню построили. Она была такая красавица – любо посмотреть было; кумпола были красивые-прекрасивые. Сколько топоров переломали, пока хотели березу срубить, под которой икона сидела, когда храм на этом месте хотели построить. Березу так и не смогли срубить, так ее и оставили в храме. Она была замаскирована, шелковыми платками завешена. Как кто заболит, так и несут ей дары. И сколько раз икону переносили к реке, столько раз она сюда и возвращалась. Так и основалась на этом месте деревня...» [3]

Многие жители вспоминают об этой березе да о чудесах, связанных с сухонской красавицей часовней, но здесь несколько слов следует сказать об иконе Смоленской Богородицы. Известно, что иначе она именуется как «Одигитрия Смоленская».

Икона Пресвятой Богородицы известна с древнейших времен. Считается, что она была написана апостолом Лукой. «Одигитрией», иначе с греческого «Путеводительницей», ее начали звать с того дня, как явившаяся Богоматерь даровала двум слепцам зрение, поставив их перед своей иконой. Но есть и другое объяснение...

Смоленской же икона стала именоваться, когда князь Владимир Мономах перенес ее из Чернигова в Смоленск, установив икону в соборе Успения Богородицы. Немало чудес связано с этой ико-

ной. Одно из них – освобождение смоленской земли от Батыя в 1239 году...

Неведомо теперь, какие иконы хранились в сухонской часовне, а затем уже и в церкви, но то, что их было много и все они были старинными, подтверждают местные старожилы. Не сохранились они, впрочем, как и повсеместно, но то, что храм удалось спасти, само по себе является неким зна́ком. Кто-то даже сказал, что долгая жизнь сухонской церкви все же связана с иконой Смоленской Богородицы, некогда указавшей место строительства поморского села...

Немало легенд хранит Сухое. Одна из них о Владыке-воине, что жил «на морях у Кильгина-острова, по правую руку, как идти в Норвегу». О нем писателю Виктору Пулькину в конце XX века поведал восьмидесятилетний старожил села Павел Михайлович Комаров:

«...По весне, в марте, бегут поморы с промысла. Владыка-воин по берегу ходит: «Поворачивай!» – и весь промысел отберет...

Бежали в шняке наши поморы. Четвертым-то вовсе мальчонка-зук! Кормщик ему вачаги кричит: «Выстирай, заскорузли!» Выжимать стал – наполь разорвал кожаны рукавицы: «Хотел досуха выжать!..»

Ну, бегут, ладно. Кильгин-остров показался.

– Походи сюда! – Владыка-воин кричит. Поворотили...

Промыслом воин не попользовался. Мальчишка бился смертным боем – сломал Владыку! Награбленное добро на шняку погрузили. Шняка – морское судно, сто пуд поднимет, а то и боле...» [4]

В этом сказе весь помор. Все ему родное здесь, в краю Белого моря: и каменные корги, и слова мелодичные, напевные. Весь из природы помор вышедший, весь ею обласканный, и пусть его век продолжается. Пусть будет помор, покуда есть жизнь подле морского хозяина – Студеного Гандвига...

«ПОДПИСАЛ СУХОНАВОЛОЧЕНИНЪ ИВАНЪ ТИРОНОВЪ...»

Первые упоминания о селе Сухое относятся к XVI веку. Рукопись «Летописец Соловецкий...» сообщает о жаловании царем Иоанном Васильевичем «игумену Алексею з братиею» деревни Шижни и в ней церкви Николая Чудотворца да деревни Сухой Наволок. [5]

В официальном документе 1539 года – «Жалованной грамоте великого князя Ивана Василье-

вича Соловецкому монастырю на вотчину в Спасском погосте Выгозерского уезда», сообщается о том, что Соловецкой обители в указанный год было пожаловано «13 луков» по рекам «Шижне и Выг и на Сухом Наволоке с деревнями». [6]

Сухонаволоцкая волость упоминается в «Уставной грамоте Соловецкого монастыря...» 1548 года. [7]

В датированной «Уставной грамоте игумена Соловецкого монастыря Филиппа крестьянам и казакам Сумской волости» от 30 сентября (по ст. ст.) 1564 года также упоминается «Сухой Наволок», а его жители названы сухонаволочанами.

То обстоятельство, что Сухое является одним из древнейших селений Поморья, подтверждает рукопись XVI века, поступившая в начале прошлого века в рукописный отдел Архангельского церковно-археологического комитета. Она состояла из ста сорока семи статей, принадлежала деревне Сухонаволоцкое и хранилась в местной часовне. Название древнейшего сборника сразу привлекает к себе внимание – «Измарагд», что в переводе с греческого «σμάραγδος» означает «смарагд, драгоценный камень».

«Измарагд» Сухонаволоцкой церкви заключал в себе нравственно-религиозные поучения и предназначался исключительно для чтения светскими людьми. Большинство поучений и слов «Измарагда» приписано св. Иоанну Златоусту. Написанная полуставом в два столбца в кожаном переплете на 187 листах рубчатой плотной бумаги с водяным знаком «большая ладонь со звездой сверху пальцев и четырехконечной розеткой внизу кисти», книга эта на обороте переплета имела следующие надписи, сделанные разными почерками скорописью XIX века:

«...сия книга Сухонаволоцкой деревни часовни пресвятыя владычицы нашея Богородицы одигитрии Смоленския глаголемая Измарагдь переплетена 1803 года сентября дня, подписаль Сухонаволочинь Иванъ Тироновъ»; далее другим почерком: «после того времени потонул 1825 года в сентябре месяце подписал племянник его родной Стефанъ Тироновъ июнь 1827 года», «Сию книгу читаль Сухонаволоцкой деревни Петръ Аникиевъ своеручно подписалъ», а в конце оглавления, изложенного на четырех листах, бледными чернилами скорописью XVIII века написано: «книга измарагдь сухонаволоцкой волости Б-ца Удегитре подписаль сухонаволоцкой волости причетной дьячок Степанко Матвеевъ». В библиотеке Соловецкого монастыря имелось три экземпляра «Измарагда» под номерами 359, 360, 361. «Сухонаво-

локский «Измарагд» подходил по содержанию своему к значащемуся в Соловецкой библиотеке под № 359 конца XV или XVI века. [8]

МАЛЕНЬКАЯ ДЕРЕВУШКА СО СТА ЖИТЕЛЯМИ

В старых подшивках газет начала прошлого столетия находим интереснейшие сведения о жизни поморского села Сухое, в частности, о том, что когда-то здесь проживал помощник архангельского миссионера Степан Васильевич Чураков, принесший немалую пользу «через обращение на путь истины и спасения заблуждающихся в вере именуемых старообрядцев».

Родом он был из Шенкурского уезда Архангельской губернии. Уже в семнадцать лет «сделал обет пред иконой Божьей Матери» и оставил мир, удалившись в пустыню. Но отец его, желая сыну другой участи, женил Степана на «никонианке», после чего с молодым человеком стали обращаться как с еретиком. С того времени и началась его странническая жизнь в селе Сухое Кемского уезда. Здесь он жил «под руководством» некоего старца Тарасия, которого считали «лучшим наставником в Поморской стране». Но спустя год с Тарасием случилась размолвка, и Степан удалился в Шуерецкую пустынь. Там он служил у отца Сергия Черенцова, в прошлом новгородского купца, оставившего богатый дом ради пустынной жизни. Недолго и здесь прожил Степан Чураков, так как увлекся «речами некоего отставного солдата Филиппа» и в третий раз принял крещение, но уже «раскольническое». Далее он связал свою жизнь с Ярославской губернией... [9]

Своими наблюдениями за раскольниками села Сухое Степан Чураков делился с читателями архангельских губернских газет. Вот пример того, что написал он в 1902 году:

«Одна из придерживающихся раскола женщин деревни Сухонаволоцкой Сорокского прихода рассказывала, как они с мужем, по совету сумского расколоучителя Башмакова, жестоко поступили по отношению к новобрачному своему сыну. Благословения на брак сыну они не давали, советовали взять девушку без венца, но православная девица, которую имел в виду их сын, не соглашалась идти без венчания церковного. Тогда молодые люди повенчались тайно от родителей и приехали в дом к новобрачному. «Но мы, – рассказывала женщина, – не допустили молодых переступить за порог своего дома, не пустили и

во флигель (который был устроен для того, чтобы мужу под старость жить отдельно), а выбросили вещи сына на улицу. Им, бедным, как нищим, пришлось жить на чужом подворье: ничего у них не было – ни горшочка, ни повареночки, ни чашечки! У нас были и судно мореходное, и карбаса, и мережи сельдяные, – но ничего сыну не дали... Вот и корову бы им надо купить, но поверишь ли, – со слезами говорила женщина, – не смели и денег дать на корову... Промышлять сельдей отец, может быть, и припустит в общий пай, с дозволения стариков, и дозволит на судно грузиться летом, а когда сын наживет свои деньги, то заведет и корову...» [10]

Каким было Сухое в середине XIX века, сообщается в записках писателя Сергея Васильевича Максимова, который отмечал, что «перед этой деревушкой морская губа до того мелка, что весла доставали до дна, и карбас, садясь раз до десяти на мель», едва-едва доходил до селения: «Вот простая, видимая причина, почему селению этому дал народ нехитрое прозвание Сухого. Сухое оказалось маленькой деревушкой в 50 дворов, со ста жителями, которые все почти ушли на то время на Мурманский берег. Лаяли огромные жёлтые собаки, попались таможенные солдаты, их будка и сарай, и – что приятно порадовало после всего, что привелось встретить на недавно покинутых побережьях моря, – это огороды с капустой и даже картофелем. Кроме того, здесь можно было достать морошку, уже поспевшую и потому рыхлицу, и молоко, не отдававшее противным сельдяным запахом.

Не заезжая в селение Вирму (с 80-ю домами и 180-ю жителями), мы на новом карбасе кое-как по прибылой воде пробрались – обратно Сухой губой. Под бойким шалоником (с пылью, как говорят здесь) обогнули ближний наволок направо, на полных парусах пронеслись 17 верст открытым морем, забрались в реку Суму...» [11]

Более ста двадцати лет назад в журнале «Вестник Европы» была опубликована статья ученого-зоолога Виктора Андреевича Фаусека, в которой он описал «деревеньку Сухонаволоцкое», что «лежит на самом берегу моря к северу от Сумского Посада», которую минуют пароходы, «и кто желает попасть в эту деревню, должен ехать из Сумского Посада в карбасе. Но выйти в Сухонаволоцкую бухту и карбасом можно только в полную воду». Дома в деревеньке этой построены непосредственно на болоте, да так, что «с горя они не да-

ли даже себе труда выстроиться в улицы, а стоят в совершенном беспорядке, как попало, в узком промежутке между гнилою отмелью моря и стеною леса, стоящего также на болоте». Как пишет ученый, Сухое не принадлежало к числу проезжих поморских деревень, почта зимой здесь ходила по санному пути из Сумского Посада на Кемь, летом ее переправляли пароходом и карбасом: «Сухонаволоцкое окружено непролазною топью, многочисленные речки, впадающие в Онежский залив, вызывают сильное опреснение моря этих унылых берегов. В Сумском Посаде, в Соробе, можно отплыть 6-7 верст от берега и все иметь на поверхности пресную воду, при 2-3-саженной глубине; драга приносит массу вязкого ила, почти безжизненного». [12]

РЕМЯГИН

В конце XIX – начале XX века построенная сухонцами церковь являлась приписной к Соробскому приходу, богослужения в ней два-три раза в год проводил священник из Сороби, из этого же села в Сухое приезжал лучший в Поморье хор любителей церковного пения, руководимый учителем Кондратьевым. Хор долго не мог составиться, поначалу в нем пели бывшие ученицы церковно-приходской заводской школы при участии двух-трех мужчин, но потом вопрос все-таки разрешился.

Согласно источнику 1906 года, в это время в Поморье «шла упорная борьба из-за верований со старообрядцами»: «В сущности, настоящих старообрядцев здесь нет, – сообщали «Архангельские епархиальные ведомости», – все они разделились на несколько согласий, между которыми из-за верований идет распря. Верования каждого в отдельности согласия по своему содержанию доходят до абсурда. Например, в Сухом одну молодую женщину после двойни, когда еще бедняжка не оправилась после болезни, сушонские старушки уговорили креститься. И вот в ночное время волокут бедную к морю и погружают в холодную ледовую воду. Несчастная на другой же день умерла...» [13]

Кроме храма в селе, в это время действовали сельское общественное училище, почтовая станция. Жители ловили рыбу, промышляли на Мурмане. Как и многие поморские села, Сухое славилось своими судовладельцами. Известно, что в 1866 году сушонский судовладелец Тимофей Ремягин имел два промысловых и два транспорт-

ных судна грузоподъемностью 92,5 тонны, в 1899 году его сын Василий – одно промысловое и три транспортных судна грузоподъемностью 150 тонн. [14]

Старожилы помнят о богатом сушонском судовладельце, вот только имени его никто не смог назвать. Сказывают, что Ремягин жил со своей супругой в большом красивом двухэтажном доме с разбитым вокруг садом, окруженным металлической оградой. На так называемых подзорах, укрепленных непосредственно под крышей и украшенных ажурной резьбой, громко и «сочно» ворковали голуби – символ мира, чистоты, любви и безмятежности. Когда в село приходило судно, сушонские ребятишки бежали его встречать, а супруга Ремягина бросала им монетки. Это был настоящий праздник. Одни говорят, что своих детей у богатого судовладельца не было, другие утверждают, что, дескать, сыновья его на судах море ходили.

По одним рассказам, когда он умер, жена его переехала в Сумский Посад, по другим – Ремягин пропал из села в 1930-е годы, во время сталинских репрессий, после чего в его доме находилось правление колхоза. В девяностые годы дом разобрали, и, говорят, будто бы бревна от него были крепкие-крепкие...

Еще один дом Ремягин имел в Шуерецком.

– Суда у него были парусные, лодки. Мужики сушонские на него работали, на Мурман ходили, – рассказывает старожил села Сухое Виктор Павлович Смагин. – Богатым, очень богатым был Ремягин, но людей никогда не обижал, всегда под расписку денег давал. На Корге у него амбары имелись, недалеко пристань находилась, помню, как плясали на этой пристани, когда праздник был. Позади дома – большой, обшитый желтого цвета амбар. Когда колхоз появился, в нем конюшню сделали. Другой дом Ремягина тоже был двухэтажным, но потом этаж «спустили», и он стал одноэтажным. Стоит еще, напротив дома Таи Соколовой...

«УНИЧТОЖИЛ ДВА ПУЛЕМЕТА ПРОТИВНИКА...»

Скучные сведения о жизни в селе в начале XX века позволяют сообщить то, что в октябре 1929 года здесь организовали рыболовецкий колхоз «Батрак», который спустя восемь лет стал именоваться «Океан». Колхозники ловили рыбу на Белом и Баренцевом морях, занима-

лись сельским хозяйством: выращивали картофель, заготавливали сено. В ведомостях учета трудодней колхозников сообщается о переборке картофеля, молотье жита, различных сельскохозяйственных работах, заготовке виц, косье, вспашке и поднятии целины, уборке ячменя и овощей, возке и рубке жердей, постройке парника.

В списках 1935–1936 годов названы колхозники: Зинаида Ивановна Афанасьева, Анна Михайловна Елагина, Павел Михайлович Комаров, Татьяна Ивановна Щербакова, Михаил Иванович Копылов, Михаил Яковлевич Копылов, Никита Александрович Щербаков, Ирина Николаевна Копылова, Мария Ал. Смагина, Елизавета Ивановна Ширина, Федор Григорьевич Смагин, Мария Степановна Кубасова, Антонина Ивановна Аникиева, Парасковья Сер. Аникиева, Зоя Николаевна Гужиева, Яков Алекс. Смагин, Тимофей Степанович Никонов, Михаил Петрович Копылов, Зина Германовна Копылова, Марфа Петровна

Комарова, Анна Яковлевна Прокопьева, Ольга Васильевна Смагина, Екатерина Владимировна Смагина, Владимир Андреевич Прокопьев и др.

Кроме того, перечислены звенья колхоза: А.К.Прокопьевой, Е.И. Шириной, М.П. Моисеевой, Я.А. Смагина, З.Н. Гужиевой, В.В. Кубасовой, Ел.Ос.Щербаковой, Ант. Ив. Тирановской, а также сборное звено колхоза.

На 1 января 1939 года в колхозе насчитывалось 96 дворов, в них проживало 487 человек, колхоз «Океан» имел библиотеку с фондом одна тысяча книг, клуб, избу-читальню, ясли-сад, который посещали двадцать пять детей.

Наряду с коллективизацией Сухое не обошла и волна репрессий. В «Поминальных списках Карелии» в алфавитном порядке беспощадно выстроены фамилии сухонцев: Комаров Константин Дмитриевич, капитан, расстрелян в 1938 году в окрестностях Петрозаводска; Кукшиев Михаил

*Колхозники колхоза «Океан».
Фото из архива Л. П. Петровой*

Андреевич, рыбак, осужден на 10 лет и отправлен в Онеглаг, где умер в 1942 году; Мунтуев Александр Архипович, рыбак, расстрелян на станции Медвежья Гора (Сандармох) и многие другие...

Сохранившиеся документы военных лет сообщают нам о тех, кто работал в колхозе в самое трудное и страшное для страны время. В июне 1941 года в колхозе трудились бригады Ф.И. Шаванова, А.А. Кузьмина, В.И. Аникиева, И.К. Васильева, П.М. Комарова, Г.Я. Смагина. Председателем колхоза в сентябре сорок первого являлся Петр Иванович Афанасьев, бригадиром – Зоя Николаевна Гужиева, письмоносцем – Лидия Васильевна Аникиева, сторожем скотного двора – Ефим Васильевич Павлов, пастухом лошадей – Алексей Александрович Смагин, подпаском – Елисей Матвеевич Никонов. [15]

За десять отработанных трудодней колхозникам выдавали три с половиной килограмма ячменя... Все силы селян – на благо Победы. Не забыт подвиг тех, кто, находясь в тылу, всем, чем мог, помогал фронту. Остались в истории и имена тех, кто не вернулся с войны. В память о них жители-сухонцы установили памятник. На нем высечены имена дорогих сердцу земляков.

Аникиев Александр Иванович, 1917 г.р., пропал без вести в декабре 1944 года.

Аникиев Владимир Иванович, 1908 г.р., рядовой, убит в бою 14 ноября 1943 года, захоронен в братской могиле в Витебской области.

Елагин Григорий Владимирович, убит 21 сентября 1941 года, захоронен в братской могиле у деревни Рован-Гора КФСР.

Кубасов Леонид Тимофеевич, 1919 г.р., убит в бою 8 апреля 1943 года. Будучи командиром орудия батареи 76 м/м пушек, 10 февраля 1943 года награжден медалью «За отвагу» за то, что «в боях под селением Красносельское Динского района Краснодарского края прямым попаданием из орудия уничтожил два пулемета противника, разрушил несколько блиндажей и уничтожил до 30 человек немецкой пехоты».

Няттиев Изот Алексеевич, 1922 г.р., рядовой, разведчик, умер 23 марта 1946 года в эвакогоспитале № 5255, похоронен в Румынии. В банке данных «Подвиг народа» среди награжденных медалью «За отвагу» значится Няттиев Изот Алексеевич, 1922 г.р., разведчик-наблюдатель, призванный Беломорским РВК, который был удостоен этой награды 28 ноября 1944 года за то, «что в боях за расширение плацдарма на правом бере-

гу Дуная, под артиллерийским огнем противника разведка 75 м/м орудие, 3 станковых пулемета противника и точным целеуказанием дал возможность огневицам уничтожить эти цели»...

Прокофьев Михаил Андреевич, 1918 г.р., лейтенант, после окружения пропал без вести.

Тирановский Александр Яковлевич, 1907 г.р., красноармеец, пропал без вести в 1941 году, последнее место службы – Карельский фронт, 6-й отд. восстанов. железнодорожный батальон. Есть вероятность того, что он значится в списках погибших в австрийском плену в Маутхаузене, поскольку все данные, кроме места рождения – «Сухве», совпадают... Дата смерти 11.12.1941 г.

Шванов Алексей Петрович, 1909 г.р., лейтенант, умер от ран 28 октября 1944 года. Последнее место службы – 379-й сд., похоронен в Латвийской ССР...

И многие-многое другие... Вечная память Героям! Вечная Слава!

ПЕРВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Утопающий в зелени дом номер сорок семь на острове Старчина в городе Беломорске сразу и не заметишь. Окруженный деревьями и пышными кустарниками, он словно закрывается ими от постороннего взора: незатейливо и играючи. Аккуратно уложенная деревянная «упругая» дорожка от самой калитки, просторная веранда, несколько русских печей в выстроенном еще в двадцать девятом году прошлого столетия поморском доме... Здесь вот уже более сорока лет живет уроженец села Сухое, ветеран труда Леонид Иванович Аникиев. Он-то и рассказал мне о первом председателе сухонского колхоза, коим являлся его отец – Иван Герасимович Аникиев. Его жизнь оборвалась рано: за восемь месяцев до окончания войны, во время освобождения города Питкяранты от фашистских захватчиков.

Иван Герасимович родился в 1897 году в селе Сухое. До революции служил в царской армии. За красивый почерк его назначили писарем, и когда в Сухом организовали колхоз, Ивана Герасимовича избрали его первым председателем. Затем были курсы судоводителей, поездки на Мурман...

На Баренцевом море застала его война, они с другими рыбаками перевозили на судах войска, ну а после пришел приказ перегнать флот сюда, и его вызвали в моторно-рыболовецкую станцию в город Беломорск. Говорят, шторм тогда был

сильнейший, людей погибло очень много... Караван судов хотели отогнать в Петрозаводск, но в это время столицу Карелии уже заняли финны, и, чтобы спасти флот, их отправили в Архангельск. До него они не дошли и поставили суда на острове Молчанове.

Леониду Ивановичу было в это время уже двадцать лет, он очень хорошо помнит, как отец вернулся с моря и как 11 ноября 1941 года всю семью забрали в эвакуацию. Они садились в вагоны на Старчине, их «набили», как «сельдей в бочку»: шесть семей из Сухого и четыре семьи из села Выгостров. Всех отправили в Красноярский край: деревню Кучердаевку Иланского района. До деревни этой от железной дороги еще шестьдесят километров нужно было добираться, а морозы стояли сильные, больше сорока градусов, чуть не заморзли все, пока ехали на лошадях...

– В этой деревне жили эвакуированные немцы Поволжья, – вспоминает Леонид Иванович. Чувствуется, что ему тяжело об этом рассказывать, но поток воспоминаний уже не остановить. Вначале высказывания получаются сбивчивые, потому что хочется не упустить важного, значимого, но потом они как-то сами по себе выстраиваются в ровный рассказ – рассказ длиною в жизнь. – Мы не учились, – с горечью замечает он, – собирали колоски. Если спрячешь колосок в кармане, то три года за это давали. Голодно, конечно, было...

Отец начал работать в колхозе счетоводом, потом отправили в трудармию, на восстановление заводов, которые прибывали с запада в Красноярский край. До такой степени дошел, что он был просто труп. Ему даже дали двухмесячный отпуск, чтобы поправить здоровье.

Когда мы вернулись в Сухое, нас даже к родному дому не подпустили... Дом был занят военными, они сделали из большой комнаты столовую, а в коридоре – кухню... Пришлось поселиться в со-

седнем доме, у сестры отца – тети Валентины. Полгода у нее жили.

Когда какой-то дом рядом военные освободили, мы туда перебрались, помню, мать целую неделю отмывала дом от грязи. Потом Федора Шаванова и моего отца забрали в армию, а когда Карельский фронт начал наступать, отца перебросили в Питкяранту, там он и погиб в бою за этот город. Похоронен там же, у реки Келиоя... О гибели отца узнал, когда зуйком на Баренцевом море работал. Туда и пришло письмо... У матери на руках осталось шестеро детей...

Военные все же пустили семью Аникиевых в родной дом, Леонид Иванович его и восстанавливал, он и сегодня стоит недалеко от церкви. Дому больше ста лет, строил его еще Герасим Аникиев.

Брат Леонида Ивановича, Дмитрий Иванович, тоже участник войны, служил радистом на Северном Кавказе, в Тбилиси. После долгое время работал в связи: в Нюхче начальником почты, затем в Маленге.

– Сначала я зуйком ходил, потом третьим рыбаком, – недолго помолчал, продолжает Леонид Иванович. – Нас, зуйков, кормили: рыбу насолят да с собой дадут. А рыбу мы ярусами ловили, тюки от-

вивал, наживку очищал, тяжело отвить-то, ведь все запутано. Еще и проверить нужно было все, крючки привязать, каждую удочку наживить, такая работа, что не обрадуешься. Холодно, руки сводит...

Паспорта не давали, только на Баренцево море шестимесячные удостоверения выдавали, сходишь в море – и удостоверение заберут...

Ходил в море до двадцати лет, потом три с половиной года служил в армии. Начал работать в Маленге, учился на курсах машинистов в городе Шарье Костромской области, затем на курсах тепловозников. На «отлично» их окончил. С семьдесят третьего года – на базе гослова рыбы. Сейчас уж на пенсии... Отработал свое... Дети да вну-

*Первый председатель
сухонского колхоза
Иван Герасимович Аникиев*

ки – вот радость. Внук-то физико-математический факультет университета с отличием окончил, учится в аспирантуре, пишет диссертацию...

Я слушаю Леонида Ивановича и думаю: «Вот оно, счастье-то, и ходить никуда не нужно. Дóма оно, с любимой супругой, коллежкой Натальей Ивановной, детьми, внуками». Трудная жизнь за плечами, разве с этим поспоришь, и так рассказывает о ней помор, что чувство гордости переполняет тебя: какие люди рядом живут! Мудрости у них желаешь учиться, терпению, пониманию, и нет-нет да и «примеришь» ко дню сегодняшнему рассказ помора о том, что видел он и слышал здесь, у самого Белого моря...

ЗЕМЛЯНКИ НА ДОЛГОМ БОРУ

— Пока колхоза не было, каждый работал сам на себя, – говорит Виктор Павлович Смагин. Больше восьмидесяти лет прожил он в Сухом: здесь родился и никуда уезжать не собирается. – Рыбу ловили, сено косили, – ненадолго задумавшись, продолжает он. – Около ста пятидесяти домов было. Наша семья имела две лошади: рабочую и выходную, а также лодки, мережи. Дóма, где я живу, тогда еще не было, он строился при мне в тридцатых годах. От дороги стоял дом Смагиных, его после войны разворочали, дальше – дом Комаровых, в нем сегодня живет Шура Родионова, через дорогу жила Зоя Николаевна Гужиева, дальше – Алексей Архипович Няйтиев, потом – Никоновы.

В войну в старом двухэтажном доме находилась маскировочная рота. Военных полно было, в доме, где сейчас Дрягуевы живут, была сделана вышка. Как-то во время войны мы с Никоновым Степаном удить рыбу пошли, и по нам начали стрелять, убежали тогда.

Помню, учился я в третьем классе, налетел самолет и давай строчить, все разбежались, а машина с военными пришла, все еще в белых шубах были, они высочили и давай по нему стрелять. А в доме рядом с Никоновыми один офицер жил, он все на лошади ездил, в стременах. Дальше к лесу был штаб, но мы не знали, что он там находился. Никто не знал, что его строили. Я один раз там был, чуть не заблудились мы с фонарями. Комнат полно! Тепло, свет проведен. Рядом со штабом, прямо на улице котел стоял. Еще дальше, на Долгом Бору, находилась военная часть, землянки были.

Помню женский и мужской лагерь. Через реку,

направо, не доходя до железной дороги. Женщины ближе жили, их охраняли, ой, бедные, помню, ведут их, смотреть жалко... Мы шли как-то мимо, видим только лопаты кверху торчат, и вдруг сильная-сильная гроза началась, так вот, как сейчас вижу: одну женщину молнией убило... Много, очень много заключенных было. Еще пленные финны жили, их во время войны сюда привезли. Мы пацанами ходили, у них еды просили. Придешь к ним, а они дают нам копеечку финскую...

Колокольню помню. Когда ее разобрали, колокол «по рукам пошел»: сначала у пожарных стоял, потом его к колодцу прицепили, а потом он вообще куда-то подевался. Старики говорили, что сухонский колокол самый сильный был, даже в городе его слышно было...

Занятный рассказчик Виктор Павлович. Сказал мне, что та часть села, где дома по берегу, Коргой называется, а другая часть – за полями – Заполье. Славилось Сухое своими мастерами по шитью деревянных лодок. Виктор Павлович называл Григория Андреевича Смагина и Павла Комарова, добавив с улыбкой, что у последнего баран был, который очень любил курить. Его сухонские мужики научили, и из-за этой привычки он даже траву плохо ел. С утра, как его выпустят, баран шел в магазин, садился и ждал, когда ему покурить дадут... Но потом его увезли на мясо, так местные мальчишки бежали за телегой и кричали: «Отдайте нам барана, отдайте нам барана!»

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ МУЖИЧКЕ

Цепкая память у старожила, помнит, кажется, только самое важное, а нет-нет и всякие подробности из нее, из памяти, обнаруживаются. Самый яркий день, самый желанный и светлый – День Победы. Когда война закончилась, радости у сухонцев не было предела. Сказывают, что Никита Александрович Щербаков в тот день вышел в белой рубашке и начал на гармошке играть, восторженно восклицая: «Война кончилась!»

Но сейчас мало кто припомнит, как за три года до начала войны в Сухое приезжали исследователи да записывали сказки от жителей села. Так вот, Никита Александрович оказался одним из тех, кто поведал фольклористам несколько сказок. Кроме него, в списках сказителей значится и Щербакова из села Сухое. К сожалению, имя и отчество ее не указаны. Она рассказала две сказки: о царевне-лягушке и об одном молодом чело-

веке, получившем от отца-колдуна волшебного коня, с помощью которого он добрался до царевны, женился на ней, выполнил все поручения и стал царем...

Но все же слава незаурядного исполнителя сказок принадлежит Якову Никонову, о котором известно, что рассказывал он долгие, на несколько ночей, сказки. Да так сказывал, что, слушая Якова, всякий сон пропадал даже при большом желании спать.

Свое мастерство сказителя он передал по наследству сыну Петру, от которого исследователи в указанный выше год записали четыре сказки. В одной из них говорится о золотом мужичке, который однажды у некоего старика испортил хлебное поле. За то ему последовало наказание: он попал в тюрьму. Но потом царевич все же его отпустил, правда, выгнал из дома. В конце концов, с помощью этого золотого мужичка царевич женился...

Еще Петр Яковлевич рассказал о молодильных яблоках, а также о молодом человеке, который по портретам выбрал себе в невесты дочь короля и, приняв турецкое подданство, взял ее в жены.

«Плохо рассказывать он не хотел, – пишут фольклористы о Петре Никонове, – а много говорить не мог. Рассказывает внимательно, обдумывая каждое выражение, стараясь не пропустить и не сказать ничего лишнего».

БЕЛОЕ-БЕЛОЕ МОРЕ

Как только наступает весна, денечки в северном Беломорске становятся теплее, Любовь Павловна Петрова спешит в родное село Сухое. Говорить о нем может часами. Как же! Малая родина! Здесь семьдесят шесть лет назад родилась она в рыбацкой семье Павла Ивановича и Анисьи Степановны Кубасовых. Выносливые, сильные люди, закаленные трудностями. Морем жили, без него никуда, без него никак.

– Тетушка у меня была. Феклой звали. Староверческая наставница, – говорит Любовь Павловна, а я рассматриваю на ней столетней давности красивый, переливающийся золотом поморский платок – семейную реликвию семьи Кубасовых. – Когда военные в село приехали и поселились у нее в доме, она никому не разрешала пить из ковшика, и курить тоже в избе запрещала: то считалось большим грехом. Сильная духом женщина, решительная, смелая, одним словом, поморка, что тут скажешь.

Мы часто ездили за ягодами. Как лист на березе распухнет, так сначала за ним съездим, затем – за ягодами. Однажды на карбасе за морошкой отправились. Два дня подряд ездили.

В первый день «за главного» у нас была Фекла Александровна, остальные: я да ребята-подростки. И вот едем мы шестером, едем: четверо гребут веслами, пятый выливает воду из карбаса. Удачно на Абрамов съездили: по две корзины ягод привезли. Помню, даже с птичкой поиграть успели, но отпустили ее, ничего плохого ей не сделали. Потом нашли огромный-огромный шест, но не взяли его с собой. Думаем, приедем завтра и заберем.

На второй день на этом же острове мы снова набрали ягод и с прибулой водой, то есть с приливом, поехали домой, не забыв, конечно, прихватить приглянувшийся нам накануне шест. Помню, море было спокойным-спокойным, всюду тихо-тихо. И вдруг неожиданно налетел ветер, небо стало черным-черным, море от пены – белым-белым, и поднялась такая огромная волна, что просто ужас! Тетушка Фекла не растерялась: «Бросайте якорь!» Взяла в руки шест и, сидя на корме, начала удерживать им лодку до тех пор, пока вихрь не унялся. Как же мы испугались! Когда волна набегала, бросались на дно и плакали: «Утонем, утонем, утонем!»

Только вихрь успокоился, тетушка Фекла сказала нам, чтобы мы тащили якорь: «Как только почувствуете, что якорь пошел со дна, кричите мне, чтобы я успела повернуть лодку в берег». Мы дергали, дергали, а сами плачем: «Не можем, сил нет». Испугались страшно, но потом все-таки почувствовали, что якорь пошел, и закричали: «Якорь пошел, якорь пошел!» Она повернула лодку в берег, нас туда волной прибило, и еще не успев до самого берега дойти, бросились мы в воду и побежали что было сил. Выбежали на берег, кинулись в траву, и давай волю чувствам: ревели, ревели, ревели. Говорили, никогда больше, ни за что в карбас не сядем.

А до села далеко еще было, километров шесть-семь. И помню, как в тот момент на небо огромная красная луна вылезла.

Отказываемся ехать, а тетушка Фекла настаивает: «Ну, садитесь в карбас, поедем». – «Нет, не поедем. Мы не поедем, мы пешком пойдем». – «Ну куда вы пойдете, все мокрые». В конце концов уговорила и по волне причалила нас к берегу Сухого. Мы вышли, ох, счастливые! Да, шторм тогда был сильным, такой, что даже крыши с домов и конюшни снесло, а люди смотрели на бере-

гу и наблюдали за нами, все думали, что мы вот-вот утонем... Но мы остались живы: Фекле Александровне спасибо, шесту спасибо. А еще, думаю, из-за того, что птичку мы тогда на берегу не обидели, за то нам спасение во время шторма и случилось...

Да, немало времени прошло с тех пор. Многое позабылось, но что интересно: очень хорошо помню, как война началась, а ведь мне четыре с половиной года всего было. Мама приходит домой, открывает дверь и говорит: «Тетушка, война началась».

А потом в село стали прибывать военные. Их много в лесу было. Мы не знали, что они там делали. Никто не знал. Только потом стало известно, что в лесу был построен штаб Карельского фронта.

Интересный случай: я маленькая, мне привозят патефон, огромную грудку пластинок и говорят: «Ищи песню «Синенький скромный платочек». Не знаю как, но я всегда и всюду находила пластинку с этой песней, хотя читать в то время еще не умела. И куда бы солдаты ни убирали эту пластинку, я все время ее находила. Они, помню, удивлялись моей находчивости. Добрые были военные, любили меня, угощали, привозили подарки. Один солдат даже в Ленинград ездил и оттуда привез мне красивое платье, а еще альбом для вышивки, сувенир и серебряную ложечку. Я до сих пор ее храню ...

Знаю, что во время войны пытались бомбить Сухое, хотели разбить железнодорожный мост через Кузреку, то есть нарушить ветку, и однажды попали мимо, в море, видимо, не было точных координат. Такая большая воронка там образовалась! Столько было в этой воронке рыбы! Мы ее руками черпали... И потом еще раз пытались бомбить, но снова попали в море...

Диву даешься: столько лет миновало, но все до мельчайших подробностей помнят сухонские старожилы. Неумолимо быстро пролетело время, за разговорами мы не заметили, что наступил вечер: темно-синий с мерцающими бледными огнями. Мне нужно было уходить, да и Любовь Павловна разволновалась от нахлынувших внезапно воспоминаний. Сухое – ее родная земля, частичка души Поморья, милая малая родина, не заброшенная, нет, не оставленная. Одна на все времена, незаменимая, дорогая сердцу. Сюда приезжают дети и внуки тех, кто когда-то трудился в селе, хлопотал о его будущем, верил в него, ожидал... Но обстоятельства жизни сделали так,

что оно, как и многие другие поморские села, оказалось однажды неперспективным, то есть не имеющим завтрашнего дня, почти как «ненужным». Кому? Я не знаю ответа на этот вопрос, мне известно точно лишь одно: сухонцам оно необходимо как воздух, как хлеб.

Им нужен этот просоленный берег, усыпанный рыбацкими лодками, с одиноким, будто застывшим в ожидании деревянным амбаром, нежно укутанным сетью, его согревающей. Им нужен багрово-огненный закат на Кузреке, грибные поляны и покрытые сочной черникой пышные холмики в лесу. Им важно видеть и созерцать еще издали упирающийся в пышную морскую пену своими берегами родной Сухой Наволок, по задумке природы, словно вросший в Белое море, которое то буйно-хмельное, то необыкновенно ласковое так и просится на холст художнику.

И она во всем, красота поморских сел и их жителей: в молчаливой трогательной простоте старинных икон в красном углу избы, гуляющем от натопленной русской печи дымочке в сизом небе, жарком споре селян подле хлебной машины, что теперь вполне сходит за магазин. Негромко общаются они, тихо, но настойчиво, вспоминая, как раньше, совсем недавно происходило что-то великое и значительное, а теперь, кажется, время почему-то остановилось, и лишь неумолимо пронесется мимо мгновения собственной жизни в огромном пространстве мироздания.

**Беломорск – Сухое,
июль-декабрь 2012 г.**

Список использованных источников и литературы

1. «Хороша, весёла моя...»: хороводная песня : [собратели С.Н. Кондратьева, Т.И. Вязинен; 1959 г.] // Фонограммархив КарНЦ РАН. Касс. 17/15.
2. Из села Сухого Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. – 1907. – 15 фев. (№ 3). – Ч. неоф. – С. 76.
3. Информант: Надежда Тарасовна Моисеева, г.р. 1905; м.р. с. Сухое; записано в 1969 г.; см.: Пулькин, В. Подаренье: предания, очерки, повесть / В. Пулькин. – Петрозаводск : Карелия, 1984. – С. 57.
4. Там же. С. 58-59.
5. Летописец Соловецкий, выписан вкратце от жития преподобных отец Зосимы и Савватия, соловецких чудотворцов, и спостника их аввы Германа, како

начаша жити на Соловецком острове, и о преставлении их, и о строении монастырском, и о здании деревянном и каменном, и о прочем, с 1429 г. по 1796 г. : [электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. (73 файла : 25 мбайт). – Петрозаводск : Национальная библиотека Республики Карелия, 2006. – Л.1, 1.об.

6. Материалы по истории Карелии XII – XVI вв. / Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР ; под ред. В. Г. Геймана. – Петрозаводск : Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1941. – С. 140-141.

7. Там же. С. 159.

8. «Измарагдъ» XVI века Сухонаволоцкой церкви, Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. – 1911. – 15 июня (№12). – С. 583-584.

9. Некролог : [Степан Васильевич Чураков] // Архангельские епархиальные ведомости. – 1903. – №11-12. – Ч. офиц. – С. 409-420.

10. Чураков, С. Тайные раскольники / Степан Чураков // Архангельские епархиальные ведомости. – 1902. – 15 авг. (№ 15). – Ч. офиц. – С. 485-486.

11. Максимов, С.В. Год на Севере / С.В. Максимов. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. – С. 50-51.

12. Фаусек, В.А. На далеком севере : из поездки на Белое море и на океан / В.А. Фаусек // Вестник Европы. – 1891. – №8. – С. 665-714. – С. 665-666.

13. Сухое, Сорокской волости Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. – 1906. – 30 янв. (№2). – С. 61-62.

14. Кораблев, Н.А. Социально-экономическая история Карельского Поморья во второй половине XIX века / Н.А. Кораблев. – Петрозаводск : Карелия, 1980. – С. 72.

15. Архив Беломорского района. Ф. 42. О. 1. Д. 1/1.

Список информантов

Аникиев Леонид Иванович, м.р. с. Сухое, г.р. 1929; записано в 2012 г.

Аникиева Наталья Ивановна, м.р. с. Колежма, г.р. 1931; записано в 2012 г.

Петрова Любовь Павловна, м.р. с. Сухое, г.р. 1936; записано в 2012 г.

Смагин Виктор Павлович, м.р. с. Сухое, г.р. 1930; записано в 2012 г.

Чуркина Серафима Ивановна, м.р. с. Сухое, г.р. 1928; записано в 2012 г.

Фото, использованные при оформлении, предоставлены автором.

□

Светлана Викторовна КОШКИНА

родилась в Беломорске.

Окончила историко-филологический факультет

Карельского государственного педагогического университета.

Работает заведующей сектором краеведения

Центральной районной библиотеки Беломорска.

В 2011 году стала лауреатом Беломорского района за плодотворную

исследовательскую деятельность и большой личный вклад

в популяризацию исторического и литературного краеведения.

Публиковалась в журнале «Север» и карельских газетах.

Автор очерковых книг о жителях Беломорска.

